

Гу Янь ненадолго задумался, опустив взор, но в итоге отбросил сомнения. Его вины в случившемся не было: он никогда не учил Чжао Чжэньюя гоняться за сиюминутной выгодой, забывать о благодарности или лгать без зазрения совести. Выкинув эти мысли из головы, Гу Янь вернулся к разглядыванию трёх духовных растений.

Фиолетовую колокольчиковую траву он продал уже давно. Изящные красные бобы совсем недавно созрели, и он успел их собрать. Теперь перед ним оставались лишь Цветок Нерешительности, необходимый для изготовления Пилюль продления жизни, да саженец древа плодов Юйцин, из которых варили Пилюли сохранения молодости.

Цветку Нерешительности перевалило за восемьсот лет. Дорастить его до тысячи — задача не из лёгких, да и Гу Янь, только что вступивший на Стадию Золотого Ядра, имел в запасе ещё два века, чтобы совершить прорыв на Стадию Зародившейся Души. В пилюлях, продлевающих век, он пока не нуждался. Он решил продать цветок вместе с урожаем изящных красных бобов сразу, как только покинет обитель.

А вот древо плодов Юйцин росло всего десять лет — до первых плодов оставалось ещё слишком долго. К тому же, подобно дереву плодов Билин, оно плодоносило неоднократно, и с каждым сброшенным урожаем плоды становились всё более насыщенными духовной силой, а их целебные свойства — мощными и мягкими. С годами ценность такого сокровища лишь возрастала. Сбыть его вот так просто не поднималась рука.

Поразмыслив ещё немного, Гу Янь принял решение.

Тем временем за воротами Дин Лю недоумевал. Старший брат-наставник всегда душой болел за второго младшего, с чего бы вдруг такое равнодушие?

Доходило до того, что при ранениях они пользовались совершенно разным снадобьем. Гу Янь держивал при себе самый дешёвый Порошок остановки кровотечения. Стоил он гроши, действовал посредственно, при нанесении жёг немилосердно, да ещё и оставлял глубокие рубцы. Чжао Чжэньюй же врачевал раны Порошком Нефритовой Кожи, который ему дарил Гу Янь. Это средство обходилось в разы дороже, заживляло мягко и не оставляло следов.

В своё время Дин Лю, узнав об этом, едва дара речи не лишился. Гу Янь вовсе не отличался мягкотелостью или жертвенным милосердием — напротив, держался строго и требовательно. На вопросы Дин Лю он лишь пожал плечами: к Порошку остановки кровотечения он привык с малых лет и сильной боли не замечал, а грубое снадобье быстрее затягивало раны коркой. Чжао Чжэньюй же попал на гору Сяоцан шестилетним ребёнком, а в восемь впервые взял в руки меч. Привыкший к родительской ласке мальчишка не выносил ни капли боли: стоит сбить кожу на ладони да присыпать дешёвым порошком — тут же зайдётся в слезах, от которых у Гу Яня голова раскалывалась.

К тому моменту Гу Янь уже достиг Стадии Заложения Основания, хорошо изучил окрестности

горной гряды Заходящего Солнца и скопил немного средств. Чтобы избавиться от постоянного плача, он стал покупать для младшего Порошок Нефритовой Кожи. За долгие годы это просто вошло в привычку.

Дин Лю тогда лишь молча завидовал Чжао Чжэньюю: надо же, как повезло с заботливым старшим братом!

И что же стряслось теперь? Отчего Старший брат-наставник вдруг изменил своё отношение?

Покачав головой, Дин Лю отправился к Преподобному Цинъяну.

Наставник ещё не привык к отказу от пищи и страдал от голода и жажды. До второго ученика ему и прежде не было особого дела, а потому, услышав, будто Чжао Чжэньюй отправился в горную гряду Заходящего Солнца за мясом духовных зверей для учителя, Цинъян лишь скупой похвалил:

— Что ж, сыновняя почтительность Чжэньюя похвальна.

Поразмыслив мгновение, он добавил:

— Янь-эр с самой Стадии Концентрации Цзи ходил в окрестности Заходящего Солнца. Чжэньюй — его ученик, обученный из рук в руки, и здешние места ему хорошо знакомы. Для мастера Стадии Заложения Основания подобная заправка в самый раз.

Словом, вмешиваться никто не собирался.

«Ну и ладно!» — решил Дин Лю. Прежде он опасался, как бы Чжао Чжэньюй из-за его слов не сгоряча угодил в беду, навлекая гнев на самого Дин Лю. Но раз он сделал всё, что мог, а старшим дела нет, то возможные увечья Второго брата его больше не касались.

Следующие три дня Линь Чжэньчжэнь исправно приходил в столовую. Он уплетал всё, что готовил Дин Лю, несколько не привередничая. Опасения Чжао Чжэньюя, будто изнеженный юноша не сможет проглотить простую пищу, оказались пустой выдумкой. Насколько «богатырским» было происхождение этого якобы молодого господина из аристократического клана, знал лишь сам Линь Чжэньчжэнь: за пышной вывеской скрывалась лишь отчаянная попытка сохранить лицо. Выпала бы возможность, он бы, разумеется, выбрал отборный духовный рис, однако за неимением лучшего с радостью уминал и обычную стряпню.

Дин Лю, наблюдая, как новый ученик уминает за обе щеки свиные рёбрышки в кисло-сладком соусе и паровое мясо — не меньше полмиски за раз! — сокрушался всё сильнее.

«Ишь, уплетает, аж за ушами трещит! Так чего перед Чжао Чжэньюем из себя неженку корчил?!» — мысленно ругался Дин Лю. Из-за этой комедии Второй брат налетел на него, словно зажжённая петарда. Хотя сам Дин Лю и не пострадал, осадок от этой несправедливой брани остался неприятный.

А поскольку за кухню на горе Сяоцан отвечал Дин Лю, расплата не заставила себя ждать: качество и количество блюд стремительно поползли вниз.

Целую неделю Линь Чжэньчжэнь получал на обед лишь полмиски жидкой водянистой каши да блюдец солений. Во рту от такой диеты стало совсем тошно, а в животе непрерывно урчало. Не выдержав, он с заискивающей улыбкой подошёл к Дин Лю:

— Старший брат Дин, а нельзя ли приготовить что-нибудь другое?

Дин Лю расплылся в не менее елейной улыбке, к которой придраться было невозможно:

— Я бы и рад порадовать старшего брата Линя чем-нибудь эдаким, да крупы в амбаре не осталось. Те запасы, что мы доедаем, покупались на наши личные гроши ещё с прошлого урожайного года. С радостью сбежал бы за сотню ли в город за свежим мясом да рисом, да откуда у нас, ничтожных слуг, закрома? Духовный рис Яньчжи, что мы растили на продажу, сгорел дотла, а жалование за этот год нам так и не выдали...

Слуга с глубокой печалью принялся протирать столешницу:

— И доколе хватит этой жидкой кашицы — ведомо одному Небу. Пойдёт всё прахом — придётся нам с братьями уходить с горы да искать пропитание на стороне, как бы ни хотелось остаться... Эх, кабы Чэнь Ань не спалил наши наделы!

Линь Чжэньчжэнь, с малых лет учившийся угадывать чужие мысли по выражению лиц, мгновенно распознал ядовитую издёвку. Лицо его вспыхнуло пунцовой краской от стыда и обиды. Не найдя, что ответить, он развернулся и выбежал вон.

Проводив его насмешливым взглядом, Дин Лю швырнул тряпку и отправился на кухню, откуда вынес целое блюдо дымящихся тушёных мозговых косточек.

— Ну-ка, братья, налетай! Только из печи!

Слуги со смехом обступили стол, с охотой принимаясь за сочное мясо.

В городке Заходящего Солнца, где бок о бок жили заклинатели и обычные смертные, духовные растения ценились на вес золота, зато простая людская еда стоила копейки. За пушистые, облепленные мясом кости просили всего шестнадцать вэней за цзинь.

По меркам мира культиваторов — считай, даром. Один духовный камень равнялся сотне духовных жемчужин, каждая жемчужина стоила десять лянов серебра, а в одном ляне насчитывалась тысяча медных взней. На духовные пилюли слугам копить приходилось годами, зато на мирское пропитание серебра хватало с избытком.

Но делиться с Линь Чжэнъчжэнем они не намеревались. Одно лишь появление этого юноши напоминало им об испепелённых полях духовного риса Яньчжи, отчего сердце обливалось кровью. А Дин Лю вдобавок винил его во всех выходах Чжао Чжэньюя. Кабы не страх прогневать Преподобного Цинъяна, он бы и водянистой каши тому не дал — пусть хоть с голоду подыхает!

Лю Эр, обглаживая кость до блеска, с уважением похвалил:

— Ну и мастеровит ты, Дин Лю! Я б эти кости вместе с хрящами сжевал!

Слизав жир с пальцев, он тяжело вздохнул:

— Да только что нам дальше-то делать?

Кости костями, а на гору Сяоцан они пришли не ради сытного обеда — они искали Путь Бессмертия. А для самосовершенствования требовались духовные камни, получить которые теперь казалось невыполнимой задачей.

Остальные слуги тоже приуныли, и сытное угощение враз потеряло былой вкус.

— Эх... Да что ж всё так наперекосяк-то пошло!

Один лишь Дин Лю сохранял оптимизм:

— Чего носы повесили? На горе Сяоцан есть Старший брат-наставник! Гу Янь просто ушёл в медитацию, а не сбежал. Вот выйдет — сам выдаст нам жалование, да ещё и духовные жилы на полях восстановит. Глядишь, с этой беды мы ещё и выиграем: попросим дозволения расчистить под посадки пару лишних му!

Дин Лю был свято уверен: пока Гу Янь на горе, никакого хаоса не случится. За десять лет его службы здесь порядок не нарушался ни разу.

Лю Эр просветлел лицом:

— И то правда! Старший брат всегда щедро награждает за службу и справедливо карает виновных. Наш урожай сгорел не по нашей вине. Выйдет Гу Янь — падём перед ним на колени, попросим... Авось и впрямь наделит землёй!

Веселье вернулось за стол. Слуги с новой силой принялись за мясо, с воодушевлением обсуждая будущие урожаи и с нетерпением ожидая окончания медитации Гу Яня.

Однако Гу Янь, на которого возлагали столько надежд, задержался в обители ненадолго. Ему потребовалось всего полмесяца, чтобы привести в порядок духовные потоки и укрепить новообретённую Стадию Золотого Ядра.

Сняв защитную формацию с ворот двора, он не стал привлекать внимания Дин Лю и прочих слуг, а сразу встал на меч и устремился в городок Заходящего Солнца, к управляющему Юй Ци.

Завидев гостя, Юй Ци окинул его внимательным взглядом.

— А я ведь говорил, что эти одежды будут тебе к лицу, — прищурился он, лёгким щелчком постукивая белой нефритовой трубкой по стойке.

В сизом дыму, под серебристым светом, Гу Янь казался сошедшим с парчового свитка сокровищем. Управляющий Юй славился безупречным вкусом — особенно когда дело касалось человеческой красоты.

— Опять принёс товар? — с улыбкой спросил он.

Гу Янь кивнул и выложил на стойку три шкатулки из белого нефрита.

Юй Ци бережно открыл их и внимательно осмотрел содержимое:

— Изящные красные бобы выращены на славу. Цветок Нерешительности... что ж, я думал, тебе срочно понадобятся духовные камни на покупку нового артефакта. Но вот этот саженец древа плодов Юйцин, которому от силы десять лет... Зачем ты продаёшь его?

Знавший Гу Яня как облупленного, управляющий осёкся. В его глазах вспыхнуло изумление:

— Ты... собираешься в дальний путь?

Под «дальним путём» подразумевалось не просто путешествие, а отлучка не на год и не на два — на долгие десятилетия, а то и на вечность. Только перед подобным отбытием имело смысл сбывать молодые растения, пока они ещё не начали приносить настоящей прибыли.

Гу Янь помедлил, а затем тихо отозвался:

— Да.

— С чего такая спешка? — Юй Ци подался вперёд, выпрямившись и сжав в кулаке нефритовую трубку. Его лицо стало небывало серьёзным. — Куда ты направляешься? Когда выходишь и... вернёшься ли назад?

Гу Янь и впрямь пришёл попрощаться.

За дни, проведённые в медитации, он взвесил всё и решил покинуть гору Сяоцан. Жить под одной крышей с Линь Чжэнчжэнем он не желал. Коли учитель не в силах прогнать чужака, значит, уйти предстоит ему самому.

Мир бескраен и широк. Только под эгидой Союза бессмертных процветают двести восемь сект; на дальнем севере раскинулась Ледяная равнина Крайнего Севера, а на юге — беспредельная гладь Южного моря. Дабы объехать эти земли, человеку на Стадии Золотого Ядра понадобится не одно десятилетие непрерывного полёта на мече.

Какой смысл томиться в четырёх стенах горы Сяоцан, соревнуясь с Линь Чжэнчжэнем за крохи чужой любви и растрачивая драгоценные годы на драку за пустоту? Бессмыслица.

Из всех жителей этих мест жаль ему было лишь Юй Ци.

— Выхожу через три дня, — спокойно ответил Гу Янь. — Куда путь держу — пока не решил.

Клан Нин прислал его учителю приглашение. Точно такое же послание Нин Шуанфэн направил и самому Гу Яню.

В прошлой жизни Гу Янь принёс Нин Шуанфэну и Фиолетовую колокольчиковую траву, и Изящные красные бобы, и Цветок Нерешительности, добавив к ним два десятка плодов Билин из личных запасов. Для своего наречённого он ничего не жалел, отдавая всё без остатка.

И чем всё закончилось? Насмешками и позорным расторгжением помолвки. А причина оказалась до смешного нелепой: Нин Шуанфэн посчитал его «деревенщиной».

Гу Янь так и не смог этого понять.

С чего бы ему быть деревенщиной? Лишь оттого, что не наряжался в шёлковые одежды и не наводил лоск? Он достиг Стадии Золотого Ядра, обладал Безупречным золотым ядром — редчайшим даром! — и перед ним открывались великие перспективы. Связать с ним судьбу было несказанной удачей для Нин Шуанфэна. Да и уродом Гу Янь отнюдь не был.

В этой жизни он не подарит Нин Шуанфэну ни единой травинки. Однако в поместье клана Нин

наведаться всё же придётся — чтобы лично разорвать брачный договор.

— Думаю, назад я уже не вернусь, — добавил Гу Янь с лёгким чувством вины.

Управляющий Юй Ци когда-то впал в немилость и был сослан в этот городок без права свободно покидать его. Разъехавшись теперь, они вряд ли свидятся вновь. Гу Янь многому был обязан Юй Ци, а потому подвинул к нему одну из нефритовых шкатулок:

— Саженец древа плодов Юйцин — мой подарок тебе.

Услышав о расставании, Юй Ци на мгновение опечалился, но тут же улыбнулся — искренне и тепло:

— И правильно! Нечего тебе закисать в этой глуши!

С таким талантом и выдержкой перед Гу Янем открыты все пути. Управляющий стукнул трубкой по деревянной стойке:

— Пусть орёл парит в небесах, а рыба гуляет в море! Саженец я приму. А ты перед отбытием обязательно зайди ко мне — соберу тебе припасов в дорогу.

— Хорошо, — кивнул Гу Янь.

Поговорив ещё немного, Юй Ци честно рассчитался за Изящные красные бобы и Цветок Нерешительности, ещё раз напомнил про заезд перед дорогой, и Гу Янь отбыл обратно на гору Сяоцан.

Едва Гу Янь вступил в горные ворота, как навстречу ему вылетела высокая, статная заклинательница в развевающихся зелёных одеждах. То была Ци Жунжун.

— Старший брат! — подбежала она, хватая его за рукав. — Второй брат отравлен! Я помню, у тебя во дворе росли Изящные красные бобы, способные исцелять от сотни ядов! Где они?!

Гу Янь смерил её равнодушным, холодным взглядом:

— Продал.

Ци Жунжун застыла на месте:

—... Чего?!

<http://bllate.org/book/19602/1934213>